

Памятник в эпоху наследия

Публичные памятники всегда были одними из мощнейших инструментов политики памяти. Обстоят ли дела так и поныне? Какие ассоциации они вызывают у нас сегодня? Можем ли мы представить Копенгаген без Русалочки, Брюссель без Писающего мальчика, Мадрид без Дон Кихота и Санчо Пансы, Нью-Йорк без Статуи Свободы, Рио-де-Жанейро без Христа, Париж без Эйфелевой башни?⁷⁹

Прежде чем начать разговор о памятниках, необходимо дать определение этого понятия. Французский, английский и румынский *monument*, итальянский, испанский и португальский *monumento* восходят к латинскому понятию *monumentum*, которое означает вещь, предназначенную для упоминания (воспоминания), в первоначальном значении – *надгробие*. Оно в свою очередь возникло из глагола *monere* (помнить), означающего интенцию мысли, обращенной в прошлое, но также **предупреждение** не забывать (напоминать), обращенное в будущее. Исторически можно найти связь этого слова с индоевропейским корнем *men*, обозначающим любую мыслительную деятельность, которую можно распознать в понятиях *ментальность*, *комментарий*⁸⁰ и др.

Таким образом, памятник – это сигнал для памяти, пробуждающий воспоминания. Он одновременно затрагивает как чувства (зрение), так и интеллект (память). Является ли памятник таким выдающимся постольку, поскольку он исключение, единственный, уникальный? Может быть, именно вследствие своей исключительности он не находится в центре внимания коллективной памяти и академических интересов?

Самые ранние памятники, начиная с курганов, некрополей, пирамид и мегалитов, как предполагается, были предназначены для увековечения умерших. Греки такие сооружения называли *mnemeion* (воспоминание). Интересно, что цивилизации, имеющие больше всего монументальных памятников похоронного назначения, практиковали кремацию: буддистские ступы доминировали в пейзаже Гималаев и Индокитая, словно коллективная память могла бы компенсировать недостаток индивидуальных могил.

Памятники были как в древнегреческой цивилизации, так и во всех иных. Можно утверждать, что памятник скорее антропологическая, чем историческая категория. Антропоморфным, т.е. ориентированным на человека, является и внешний вид памятника. Как правило, ему свойственна вертикальность – своеобразное визуальное указание на сакральную, легендарную или реальную личность. Поэтому он виден издали, будь то статуя идола, административная стела, памятник умершему, пограничный столб или мавзолей. Возможны и другие референции: обычно главным установителем памятников является государство, которое тоже определяется как «то, что стоит», возвышается (англ. *state*)⁸¹.

Однако возникнет путаница, если вспомнить, что это понятие используется в разных значениях. Опираясь на классификацию памятников, предложенную Р. Дебрэ мы должны уточнить, что говорим о памятнике-сообщении (который отличается от выделяемых этим автором памятника-формы и памятника-следа, хотя и может с ними взаимодействовать), указывающем на реальное или мифическое событие прошлого⁸². К типу **памятника-сообщения** относятся обелиск, крипта, часовня, мемориальный памятник. В отличие от двух других подтипов последний наиболее подвержен нападению, мести, вандализму или планируемой деструкции, часто стоит на огражденном пьедестале. Интересно, что для него не обязательны ни художественная (надгробия серийного производства), ни временная ценность – основные критерии для определения «исторического памятника». Он имеет только символическое назначение – обусловить церемонию, поддержать ритуал, вдохновить молодое поколение, символизировать определенные ценности. Его излюбленные места – мосты, площади и перекрестки, поля битв и кладбища. Это памятник в первичном значении слова, предназначенный для воспоминания, а не для чего-либо другого. Именно он, хотя чаще всего не значится в инвентарях и реестрах культурных ценностей, воплощает передачу наследия из прошлого в будущее.

⁷⁹ Gilbert Gardes, *Le monument public français*. Paris, Presses Universitaires de France, 1994, p. 3.

⁸⁰ Odon Vallet, Les mots du monument, *La confusion des monuments*. Les Cahiers de médiologie; No. 7. Paris, Gallimard, 1999, p. 21.

⁸¹ Odon Vallet, Les mots du monument, *La confusion des monuments*, p. 23.

⁸² Régis Debray, Trace, forme ou message? *La confusion des monuments*, p. 28-44.

Ни памятники умершим, ни памятники на городских площадях обычно не инвентаризируются как «памятники». Однако именно они – памятники *par excellence*. Им не требуется охраны государства, о первых заботятся родственники умерших, о вторых – органы власти, представляющие общину.

Для сравнения **памятник-форма** является «наследником замка или церкви», иначе говоря, это традиционный «исторический памятник». Являясь архитектурным, гражданским или религиозным, старым или новым, эстетическим или декоративным, он не выражает никакого свидетельства о прошлом или сознательной мемориальной интенции. Этому типу могут принадлежать парки и сады, скверы и площади, часто он на самом деле «монументален». Кстати, он может даже не считаться ценностью наследия (архитектор еще жив), иметь утилитарное назначение и в отличие от первого типа не иметь отношения к каким-либо ритуалам.

И, наконец, **памятник-след**, по Р. Дебрэ, – это просто документ прошлого без этической или эстетической мотивации. Он был создан не для того, чтобы о чем-либо напомнить, а чтобы служить, и не претендует на оригинальность или эстетичность, а также (чаще всего) не вызывает никакого архитектурного интереса (улица, канава, хижина). Его ценность, скорее, метафорическая или метонимическая: он не указывает на какую-либо институцию, но – на окружение, обычаи или стиль. По существу являясь намного более скромным, чем два первых, он больше связан с повседневностью.

Раскрытие понятия «памятник» по Р. Дебрэ⁸³

	<i>Памятник-след</i>	<i>Памятник-сообщение</i>	<i>Памятник-форма</i>
Реестр	память (традиция и наследие)	история (миф и проект)	пространство (урбанизм и перспектива)
Ценность	культурная (не дать придти в упадок)	культовая (утверждение сакральности)	экспозиционная (представление произведения)
«Место памяти» осознается как...	место генеалогической или этнологической идентичности	место преданности (религиозной или гражданской)	место силы (политической, экономической или коммуникативной)
Первичная функция	свидетельство (так было)	передача (так должно остаться)	коммуникация (в этот момент)
Предпочтение отдается...	территории (местная память)	нации (осевая (вертикальная) память)	супранациональности (глобальная деревня) (космополитическая память)
Направление времени	ретроактивное настоящее, прошлое	проспективное прошлое, будущее	настоящее настоящее, будущее
Осознается...	в прошедшем времени изъявительного наклонения (так было)	в побудительном и повелительном наклонениях (вспомни)	в настоящем времени изъявительного наклонения (я таков есть)
Рекомендуемое использование	посещение (привлечь внимание)	церемония (собратся)	краткий обзор (не задерживаться)
Становится эмблемой...	эпохи (<i>Отель дю Нор</i> – довоенное кино)	постоянства (Триумфальная арка - нация)	исключительности (Эйфелева башня – Париж)
Поддерживающее окружение	гражданское общество	официальная власть	предприятие

⁸³ Régis Debray, Trace, forme ou message? p. 32-33.

Объект должен быть...	аутентичным (<i>constitutif</i>) (<i>своим внешним видом</i>)	демонстративным (<i>на моральном основании</i>)	высшего качества (<i>с точки зрения исполнения</i>)
Функционирует...	с помощью знаний (<i>надо узнать</i>)	благодаря вере (<i>надо верить</i>)	визуально (<i>надо хорошо рассмотреть</i>)
Историческая парадигма	модернистская (<i>романтизм</i>)	римская (<i>Троянская колонна</i>)	египетская (<i>пирамида</i>)
Как до него добираться	туристическим автобусом	пешком (<i>в группе</i>)	прогулка в одиночестве
Первичный статус знака	«знаковый», презентация (<i>реликт объекта прошлого</i>)	«иконический», репрезентация (<i>фигура или аллегория</i>)	«символический», своевольный (<i>архитектурный код</i>)
Что ему нужно	быть настоящим (<i>правильная информация</i>)	иметь смысл (<i>правильный тон</i>)	вызвать эффект (<i>жест и элегантность</i>)
Ответственные лица	служитель (<i>записывает и инвентаризует</i>)	политик (<i>дает указание</i>)	архитектор (<i>выигрывает конкурс</i>)
Эпитеты признания	«волнующий»	«поучительный»	«впечатляющий»
Рискует стать...	банальностью	помпой	чрезмерным
Режим собственности	публичный-частный = <i>privata aedificia</i>	публичный = <i>publica aedificia</i>	частный-публичный = <i>publica opera</i>
Репликация или плагиат	разрешено (<i>образец</i>)	терпимо (<i>поддержание ритуала</i>)	нелегально (<i>авторские права</i>)
Проверяется...	исторической экспертизой (<i>аутентичен ли?</i>)	этической пригодностью (<i>нужен ли?</i>)	эстетическим вкусом (<i>приятен ли глазу и удовлетворяет ли вкус?</i>)
Возможно ли двойное использование сооружения?	да (<i>символическое/утилитарное</i>)	нет (<i>только символическое</i>)	да (<i>утилитарное/символическое</i>)
Исторический «характер»	случайный (<i>случайно сохранился в ходе истории</i>)	интенциональный (<i>когда появился или в проекте</i>)	случайный (<i>прихоть создателя</i>)
Отличительный признак	«вышел из моды, больше не актуален (<i>сооружение как документ</i>)	эпиграфия (<i>сооружение как текст</i>)	подпись (<i>сооружение как произведение искусства</i>)
Если бы их было много, это было бы похоже на...	бабушкин погреб или банк данных	школьный класс или место культа	оперные декорации или перепроизводство
Объединяет...	художника и этнографа	духовное лицо и учителя	инженера и скульптора
Туристическая реклама	императивная (<i>объяснения гида</i>)	секулярная	желательная (<i>аттракция</i>)

Уже упоминалось, что эти три типа памятников могут переходить один в другой. Например, Эйфелева башня сначала была *формой*, потом политическим *сообщением* – победой науки и техники над религиозными предрассудками, которые символизировал костел Сакре-Кёр, – и, наконец, для всего мира она стала визуальной метонимией Парижа и наглядным наследием серебряного века, «историческим памятником» *par excellence*.

Кстати, и сегодня *памятники-формы* могут служить сообщениями (различные панно, электронные афиши, рекламные щиты).

Хотя сформулированная Р. Дебрэ и претендующая на универсальность типология памятников кажется утонченной и детальной, она сразу же вызвала критику его соотечественников. Один из них писал: «Говоря о мировом наследии, как можно было бы практически применить классификацию памятников Р. Дебрэ? К какой традиции, территории, истории, идентичности относится *памятник-след*? И должны ли его охранять те, кто не имеет той же исторической памяти? Тем более, когда речь идет о *памятнике-сообщении*. В свою очередь *памятник-форма* рискует столкнуться с относительностью вкусов, разнообразием техник и масштабов: то, что одним кажется красивым, величественным и впечатляющим, для других будет низко, противно, китч, ненужно, непонятно, помпезно... Большинство памятников, предназначенных для прославления династии, Бога или победы, совсем о другом будет говорить наследникам противников, побежденных, убитых. Даже те памятники, которые прославляют более общие принципы – мир, справедливость, прогресс, – могут казаться высокомерными свидетельствами универсальной миссии одного народа. <...> Так к кому же памятники могут быть обращены за пределами создавшей их культуры?»⁸⁴.

Приходится согласиться, что памятник как ничто иное является специфическим продуктом одной культуры, и это отличает их друг от друга. Как мы видели, *памятники-сообщения* различных культур объединяет лишь одно – их мемориальная интенция.

Памятник определяется создаваемым им эффектом, тем, что привлекает внимание, «заставляет вспомнить» (интересно, что корень слова *monere* родствен не только слову *монумент*, но и слову *монстр*). Выходит, что памятнику не обязательно быть аутентичным, чтобы он мог функционировать. Достаточно того, чтобы он был правдоподобным. Однако распространено представление, что, считаясь произведениями искусства и выражением творческого гения конкретного художника, памятники иллюстрируют высокий уровень культуры. Таким образом, представляя гений народа, его верования и ценности, памятник воплощает немецкую идею Kultur⁸⁵.

Главное в выполняемой им функции то, что памятник является сигнальной конструкцией: им что-то обозначается (мученики, прославленные события, Новая эра), указывается (на его красоту, величину, форму, окружение), закрепляется авторитет (который может быть политическим, академическим), принимается гражданским сообществом, утверждающим, что в этом объекте кроется ценность исторического, культурного, социального свидетельства.

Независимо от того, является ли он *следом*, *сообщением* или *формой*, памятник генерирует чувства коллективной принадлежности. Не важно, кто является инициатором строительства памятника – частное лицо, община, государство, – после открытия он не имеет собственника, принадлежа всем. Поэтому становится возможным символически «делиться» памятниками, словно частицами одного предмета, которые похожи и в то же время различаются. Ведь, например, когда рухнула Берлинская стена, каждый стремился захватить ее кусочек. Однако этот присвоенный кусок был не только маленькой частицей стены, он был и частью истории ее разрушения.

Иногда подсознательное желание присвоить памятник может даже угрожать его существованию. Поэтому символические эффекты памятника невозможны без его изображений, и особенно фотографий. Так, каждый, стоящий перед Тадж-Махалом или Пантеоном, может его сфотографировать и сохранить в фотоальбоме его изображение – это самая безобидная форма присвоения памятника. Фотография одновременно является объективной и субъективной, уникальной и повторяемой, художественным произведением и серийным производством. Так что таким образом завязываются особые и близкие связи между электрическим освещением, фотографией и памятником. Эти наблюдения могли бы привести к упрощенному определению памятника: *памятник – это освещаемый ночью объект*⁸⁶.

Однако парадоксальность памятников этим не исчерпывается. Поставленные однажды и ставшие частью природного и/или городского пейзажа (скромные памятники в местах автокатастроф наряду с публичными монументами), они тем самым являются частью как повседневности, так и праздников (от государственных памятников до посещения могил умерших родителей во время свадьбы).

⁸⁴ François Bernard Huyghe, Un patrimoine sans patrie? *La confusion des monuments...*, p. 61.

⁸⁵ Ibid., p. 62.

⁸⁶ Monique Sicard, Du de visu à l'in situ: la production du monument par sa représentation, *La confusion des monuments...*, p. 133.

Кроме того, являясь *следом, памятью, формой*, памятник становится *словом*, он напоминает, приглашает, приказывает, ругает. Того, кто на него смотрит, он неизбежно заставляет задуматься. Так, выполняя свою функцию, он становится и *памятником-дискурсом*.

В любом случае памятник является плодом эстетической, архитектурной и ритуальной конвенции конкретной поставившей его общины. Возникает вопрос: что же обуславливает эту конвенцию, делает ее возможной? Или определяет то, что иногда, при особых исторических обстоятельствах, это ранее достигнутое соглашение ставится под сомнение или даже совсем отвергается? Ответ долго искать не приходится. Поскольку памятники предназначены для увековечения живой памяти и поддержания ее, очевидно, что их смысл и потребность в них отсюда и возникают.

Если напечатанные истории и записанные воспоминания могут без конца размножаться, т.е., потенциально бессмертны, то реликты нематериального прошлого претерпевают постоянное уничтожающее воздействие времени. Хотя большинство их находится, приводится в порядок и расшифровывается, они являются по существу конечным и невозобновляемым ресурсом, за исключением вновь появляющихся реликтов⁸⁷. Когда другие артефакты прошлого приходят в упадок, произведения, предназначенные для мемориальных практик, остаются только как физические свидетели прошлого, лишившиеся своего первоначального значения.

Еще недавно памятники призывали следовать ценностям, они напоминали людям, во что верить и как себя вести. «Разрастающийся лес памятников» в конце XIX в. выразил националистическое прославление прошлого, почти угрожая задушить площади Европы. Однако, как правило, место установки таких памятников не имело никакой связи с изображенными на них событиями или лицами.

Раньше общества с помощью памятников возвращали себе свое прошлое. Например, недавнее прошлое двух мировых войн было лучше всего усвоено благодаря памятникам, мемориалам и связанным с ними ритуалам. Поскольку эти драматические события в исторической памяти были еще живы, связанные с ним церемонии, выполняя траурную функцию, стали и своеобразным ответом на современные проблемы, и эскизом желаемого будущего. К сожалению, такие монументы были актуальны и служили до тех пор, пока были живы свидетели этих событий или их близкие. Сегодня, хотя множество таких объектов, предназначенных вызывать у зрителя уважение и восхищение храбростью и жертвенностью погибших, напоминают события, которые в исторической памяти больше не актуальны, в Европе обычно не спешат их демонтировать или переинтерпретировать (это не относится к России и Беларуси, где память о последней мировой войне еще жива и актуальна).

Несколько отличное отношение к ним наблюдается в Центральной и Восточной Европе и иных местах. Например, в США давно не отмечаются годовщины Вьетнамской войны, и вашингтонский мемориал, посвященный этой войне, символизирует гибель людей, а не бывшие политические цели, и призывает к примирению народов⁸⁸. Большое впечатление производят захоронения, демонстрирующие настоящую цену войны, например окрестности бельгийского города Ипра или Пискаревское кладбище в Санкт-Петербурге.

В современных мемориалах отражается стремление выразить пацифистскую идею, предназначенную для людей постмодернистского мира, находящегося под воздействием глобализационных процессов. Возникает вопрос: это мемориалы и музеи войны или мира? Так или иначе наблюдается тенденция подчеркивать индивидуальные переживания и опыт, а не нейтральные факты и статистику (например, появляется новый – феминистский – ракурс войны, считавшейся раньше «чисто мужским делом»)⁸⁹.

Специалисты по охране наследия выделяют несколько основных причин непопулярности памятников в настоящее время, хотя подчеркивают, что пока слишком рано предсказывать их окончательную смерть – ведь монумент принадлежит длительному этапу исторического времени, поэтому современное его положение может быть только мутацией⁹⁰.

⁸⁷ David Lowenthal, *The Past is a Foreign Country*. Cambridge University Press, 1985, p. 210.

⁸⁸ Albert Boime, *The Unveiling of the National Icons. A Plea for Patriotic Iconoclasm in a Nationalist Era*. Cambridge University Press, 1998, p. 307-333.

⁸⁹ J. E. Tumbridge, G. J. Ashworth, *Dissonant Heritage...*, p. 120-122.

⁹⁰ Régis Debray, Trace, forme ou message? *La confusion des monuments...*, p. 43.

Во-первых, причина потери значимости традиционного монумента в современном обществе кроется в ослаблении роли государства как воспитателя граждан. Государство более не чувствует себя имеющим право формировать и распространять ценности и образцы – всеобщие процессы демократизации сильно ограничили его функции, и оно вынуждено скрываться за спиной общественного мнения. Кроме того, когда-то многочисленные памятники должны были отражать исторические заслуги нации, были предназначены для иллюстрации великих коллективных нарративов, которые в постмодернистскую эпоху теряют свою связность и достоверность.

Во-вторых, памятники принадлежат «длительному этапу исторического времени», они созданы из прочного и долговечного материала, сегодня же культура *fast food* декларирует временность.

В-третьих, предназначенные для установления связей между поколениями и для укрепления коллективной идентичности, сегодня монументы сталкиваются с новыми вызовами в мире, которым управляют король Индивид и королева Экономика. Эти властители отменяют групповые и общественные ценности и все измеряют скоростью, эффективностью и объемом прибыли. А ведь создание и установка памятника требуют больших финансовых затрат и не дают краткосрочной измеренной в деньгах пользы.

В-четвертых, мы живем в постмодернистскую эпоху «бриколажа» – обрывков, фрагментов, – а любой, даже самый светский, памятник имеет и сакральное значение. В этом контексте *памятник-сообщение*, требующий уважительной временной дистанции и определенных чувств (гордости, грусти), деконструируется, лишается смысла, иногда даже открыто подвергается насмешке. Сегодня торжественности и помпезности противопоставляется простота и непосредственность.

В-пятых, любимыми персонажами *памятника-сообщения* были «великие личности», цель которых – пропаганда веры и «настоящих ценностей». Коллективное признание героев возможно только благодаря поддержке всеми признанной морали, которая тоже уже не является универсальной: отмечается политеизм ценностей. Расширяется спектр политических взглядов, отражающих личную политическую ангажированность, перенимающих групповую мифологию с «локальными героями». Кроме того, в публичной жизни все более наблюдается разделение политики, в прошлом испытывавшей большой груз сильных авторитетов и этики. Поэтому традиционных героев как образцов для подражания сменяют звезды кино, шоу, бизнеса и спорта⁹¹. Уже упоминалось, что, оставшись без соблюдения церемоний и ритуалов, памятники становятся неактуальными.

Наконец, специфическая тенденция игнорирования памятников, наблюдаемая в посткоммунистических обществах, кроется в сложном и болезненном отношении к наследию официальной монументалистики. Не будем забывать, что именно эта форма искусства сохранила принципы тоталитарного стиля и считается классическим проявлением этих режимов.

Как известно, мемориальные предметы (реликвии), и особенно памятники способны мобилизовывать все три формы памяти – жесты, изображения и слова. На памятнике бывают не только надписи, но и изображения (скульптуры или барельефы). Они вызывают ритуальные жесты, чаще всего торжественные и церемониальные: принести цветы, говорить тише, петь хором, снять шапку, стоять в почетном карауле. Наконец, они вызывают желание говорить-делиться воспоминаниями. Как сама речь, так и тон голоса, эмоции служат символизации. Кроме того, уже упоминалось, что желание «присвоить» индивидуально полученный опыт или впечатления часто приводит к несанкционированным надписям на памятниках (граффити) или к присваиванию его частички на память. Для присваивания памятника также важна возможность взобраться на него или войти, а не только смотреть со стороны, поэтому можно подняться на Эйфелеву башню или Статую Свободы. И наоборот, чаще всего не разрешается взбираться на статуи божества или обоженной личности, такой, например, как Сталин.

Таким образом, памятники позволяют усвоить опыт прошлого и интегрировать его в коллективное существование группы. Однако присвоить его не всегда легко. Этому может помочь или, наоборот, помешать личный опыт, не имеющий ничего общего с событиями, которые увековечивает этот монумент. Семейный опыт тоже оказывает свое влияние. Так, внук жертвы сталинских репрессий совсем иначе будет смотреть на памят-

⁹¹ Daniel Fabre, L'atelier des héros, *La fabrique des héros. Collection Ethnologie de France, Cahier 12* (eds. P. Centlivres, F. Zonabend et D. Fabre). Paris, Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1998, p. 233-309.

ник ссыльным, чем другие. Наконец, памятник мобилизует официальную, национальную или социальную память и олицетворяет такие ценности, как независимость, прогресс, мир, жертвенность, долг⁹². Государство о такого рода памяти заботится больше всего, а индивид – как раз меньше всего.

По сути, памятник является коллективным символом, предназначенным для объединения и собирания, он генерирует чувство коллективной принадлежности. Сам будучи продуктом консенсуса, памятник воздвигается для того, чтобы был достигнут социальный консенсус: будь то свобода, солидарность или прогресс. Публичные празднования, конечно, не индивидуальны, а коллективны. Они способны не только пробудить воспоминания, но и завязать и укрепить социальные связи.

Однако этот консенсус невозможен без затушевывания или забывания того, что разделяет членов группы. Памятник и должен помочь забыть и загладить эти неизбежные различия, призывая отказаться от индивидуальной памяти во благо коллективной. Типичный пример такого поведения – памятники жертвам Первой мировой войны в Эльзасе и Лотарингии, посвященные «Нашим павшим», в то время как в остальной части Франции на них писалось «Нашим павшим за Родину». Следовательно, как только памятник воздвигнут, что-то в его назначении может быть скрытым, необязательно сознательно и всегда, но потенциально. Поэтому далеко не все памятники выражают историческую правду, но, скорее, желание верить или заставить верить других в определенную ее версию.

Таким образом, памятник иногда является также криптограммой, скрывающей свою природу. Приходится пытаться расшифровывать стереотипы, ляпсусы, «монументальные мифемы». Иногда само отсутствие памятника становится значимым: почему некоторые события или личности замалчиваются? Малочисленность памятников нередко свидетельствует о множестве забытых... И наоборот, некоторые исторические персонажи, такие как Ленин, удостоились множества памятников.

В античности отсутствовала охрана материального памятника. Памятник был тесно связан с памятью и ей служил. В традиционном литовском обществе тоже считалось, что память об умершем сохраняется до тех пор, пока не сгниет деревянный крест на его могиле. Тогда возникает вопрос: если памятник материализует память, должен ли он оставаться дольше нее самой? Зачем употреблять большие усилия и затраты, чтобы его первичная форма и материя были сохранены? Зачем охранять памятники, смысл которых сегодня утрачен? Что напоминает нам, например, колонна Траяна? Ведь восхищение, которое она вызывает, ничего общего не имеет с ее первичным смыслом и назначением. Даже если бы мы что-то и знали о событиях того времени, памятник был бы только простым указанием (*документом*) на эти события. Если первичное назначение памятника – «напоминать» (*monere*), то, может, самыми характерными памятниками нашей эпохи станут рекламные надписи (англ. *advertisements*)? Как и памятники древности, они отождествляются с провозглашаемым ими сообщением.

Теоретики утверждают, что различие между утраченным первоначальным предназначением памятника и его продолжающимся хранением может быть даже определенной формой забвения, которую способна культивировать охрана⁹³. Еще Робер Мюзиль в одном тексте дал шуточный рецепт, как можно было бы обеспечить коллективное забытие великих исторических деятелей, мест и дат: просто надо поставить им памятник... По его мнению, множество таких статуй и зданий превращается в свою противоположность: созданные для того, чтобы их видели, они становятся незаметными⁹⁴.

Здесь можно усмотреть еще один парадокс: памятник, став неактуальным для исторической памяти, словно застывает, а связанные с ним ритуалы, если и сохраняются, становятся пустыми. С другой стороны, памятник для сохранения жизненности ритуала даже необязателен⁹⁵. Например, еврейская традиция опирается на Святое Писание и традиции, а не на памятники. Решению этой проблемы мог бы помочь своеобразный синтез памятника и церемонии: мемориал при помощи секуляризованной литургии стремится вырвать памятник из нейтрализующей его мемориального значения «исторической ценности».

⁹² Reinhart Koselleck, *L'expérience de l'histoire*. Paris, Gallimard, 1997, p. 136.

⁹³ Michel Melot, *Le monument à l'épreuve du patrimoine. La confusion des monuments...*, p. 10.

⁹⁴ Robert Musil, *Mémoires presposthumes*. Paris, Seuil, 1965.

⁹⁵ Daniel Fabre, *Ancienneté, altérité, autochtonie, Domestiquer l'histoire...*, p. 201.

Сегодня вновь возводящиеся памятники из камня и бронзы с самого начала могут стать стереотипами, поскольку их материальность не соответствует требованиям современности, переориентирующейся на аудиовизуальную и гипервизуальную репродукцию. При переходе понятия «памятник» от *in situ* к *in visu*, ему, видимо, придется найти новое, неизбежно более скромное место в современном мире⁹⁶.

Уже упоминалось, что памятники, как правило, бывают предназначены для отражения трех типов памяти: индивидуальной (вещи, напоминающие нам важное личное событие), семейной (например, фотографии и реликвии) и, наконец, коллективной (памятники, обозначающие события, важные в масштабе города, страны или народа). Учитывая это, возможным решением проблемы было бы усиление промежуточной позиции памяти – семьи. Именно здесь пересекаются пространства как индивидуальной, так и коллективной памяти, поскольку все типы памяти тесно взаимосвязаны. Как можно было бы поддерживать их сближение? Например, детей в школах можно поощрять собирать свидетельства о жизни своих дедов и прадедов или, возводя публичный монумент, можно было бы приглашать членов конкретной общины предложить несколько анонимных записей, которые будут на нем выгравированы. Это будет символом силы демократии, если она не боится признания индивидуальной памяти. Другой выход – членам семьи посещать вместе публичные памятники. Если официальные монументы предназначены для укрепления коллективных связей, почему же с их помощью не укреплять и индивидуальные или семейные узы?

Поэтому памятник должен призывать не *пассивно принимать официальное сообщение*, а высказывать что-то вроде: *Забудь меня. Береги свои воспоминания. Делись ими со своими близкими*⁹⁷.

Так что самая древняя – мемориальная – ценность памятников не совсем утрачена и в современных обществах, хотя в Западной Европе все чаще избавляются от государственной «памятникомании»⁹⁸. Мемориальные доски, статуи и сооружения, имеющиеся в каждом городе, уже не говоря о памятниках умершим, нередко считаются пережитками национализма XIX в., тоталитарных режимов XX в. и становятся антимонументами. Современными сооружениями больше не стремятся увековечить какие-либо события или личности прошлого: они предназначены для удовлетворения потребностей настоящего и будущего. Так что социальный запрос все более склоняется к тому, чтобы предложить осознание (*памятник-форму*) вместо эмоции и воспоминания (*памятника-сообщения*). Парадокс западных обществ нашего времени заключается в том, что они начинают все больше охранять памятники и все меньше их создают.

Несмотря на различные «рецепты», не всегда удастся реанимировать и реабилитировать исчезающие функции монумента. Тогда выбирается сильноедействующий способ обращения с «постаревшими» памятниками, не актуальными для исторической памяти, – просто отказаться от них. Исследователи отмечают, что переломные периоды в истории имеют особенное значение для переживаемого гражданами опыта историчности и «обострения» исторического сознания. Кроме того, процесс отбора и интерпретации воспоминаний об определенных событиях, ставших особенно важными, связан и с потенциально негативным опытом – возможностью различным группам общества не прийти к согласию или даже конфликтовать по поводу содержания и составных частей хранимой и «отбрасываемой» памяти. Поэтому необходимо уделить внимание и обратной стороне охраны наследия: обсуждению ее своеобразного *alter ego* – феномена вандализма.

⁹⁶ Marc Guillaume, Du stéréotype comme art. *La confusion des monuments...*, p. 227.

⁹⁷ Serge Tisseron, Antimémoire, *La confusion des monuments...*, p. 207.

⁹⁸ Sergiusz Michalski, *Public Monuments. Art in Political Bondage 1870-1997*. London, Reaktion Books, 1998, p. 201-210.